

На правах рукописи

Челябова Залина Магомедзагировна

**НАСИЛИЕ В ПОСЯГАТЕЛЬСТВАХ НА СОБСТВЕННОСТЬ:
ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ, КВАЛИФИКАЦИИ И НАКАЗАНИЯ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов – 2020

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Научный руководитель доктор юридических наук, профессор
Лопашенко Наталья Александровна

Официальные оппоненты: **Кочои Самвел Мамадович**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)», профессор

Шарапов Роман Дмитриевич
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации»,
профессор

Ведущая организация Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «**Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева**»
(юридический факультет)

Защита состоится 20 мая 2020 г. в 13:00 на заседании диссертационного совета Д 212.239.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (<http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/10-02-2020-1d.pdf>).

Автореферат разослан «__» февраля 2020 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кобзева Елена Васильевна

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема насилия неизменно сопровождает человечество, видоизменяясь и адаптируясь под социальные и политические настроения в государстве. Смена социальных, политических механизмов сказывалась на формах, объемах, качестве насилия, делая его существование порой менее заметным. Однако со временем насилие вновь набирало обороты, меняя свое лицо. Сложно ответить на вопрос: насилие в обществе – это результат неудачи конкретного исторического отрезка или предпосылка, обязательное условие начала новой эпохи? В любом случае, каким бы ни был ответ на этот вопрос, можно с уверенностью говорить, что насилие в социуме пропорционально развитию преступного насилия. Именно соответствующая социальная, политическая среда создает наиболее благоприятные условия для развития преступного насилия.

Явление насилия представляется весьма сложным и включает в себя много аспектов, что вызывает интерес к нему со стороны ряда гуманитарных областей научного знания, исследующих феномен насилия под различными углами зрения. Причина этого интереса – необходимость предупреждения насилия и борьбы с ним в социуме.

Приоритет в исследовании насилия принадлежит науке уголовного права, потому что именно уголовный закон преимущественно предусматривает ответственность за насилие.

Насилие в том или ином качестве выступает составным элементом значительного числа составов преступлений, занимая весомое место в общем массиве преступных проявлений, нашедших отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее также – УК, УК РФ). Количество насильственных преступлений велико. При этом их перечень не ограничивается составами преступлений, при конструировании которых непосредственно используется этот термин. Помимо него о наличии признака насилия свидетельствуют такие обозначения, как понуждение, принуждение, побои, пытки, причинение вреда, физической боли,

причинение физических или психических страданий, особая жестокость, жестокое обращение и т.д.

Отдельные проявления насилия, характеризующие ту или иную группу посягательств, становились объектом научного интереса ряда ученых, которые, наряду с общепризнанными видами насилия (физическое и психическое), выделяли и нетрадиционные (например, имущественное, интеллектуальное насилие).

Насилие в составах посягательств на собственность выполняет роль криминообразующего или квалифицирующего признака, а следовательно и признака, отграничивающего насильственные посягательства на собственность друг от друга. Однако частота использования термина «насилие» при нормативном описании преступлений против собственности создает сложности их понимания, интерпретации самого понятия насилия, порождает неоднозначную правоприменительную практику.

Подтверждением сказанному служат цифры судебной переквалификации насильственных посягательств на собственность с одного на другое. Так, в процессе исследования материалов опубликованной судебной практики установлено, что с 2012 по 2017 гг. решения судов, изменившие квалификацию содеянного с разбоя на насильственный грабеж, составили 60 % из общего числа изученных уголовных дел данной категории, с вымогательства на насильственный грабеж или разбой – 59 % (приложения 3, 4). Приведённые показатели позволяют расценить разграничение насильственных посягательств на собственность как реальную проблему, не знающую ныне решения.

Уголовно-правовая доктрина обнаруживает разнообразие позиций относительно понятия, видов насилия и признаков, которыми ученые наполняют категорию насилия и конкретно насильственные посягательства на собственность.

Обращение к судебной практике, складывающейся по насильственным преступлениям против собственности, демонстрирует такое же положение

дел. Порой судебная интерпретация признаков насилия в посягательствах на собственность противоречит друг другу по разным основаниям, причем и на уровне высшего судебного органа.

Помимо споров в уголовно-правовой теории и неоднозначности уголовного закона, немалое количество вопросов вызывают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно содержания признаков насилия в указанной группе преступных посягательств, а также их квалификации. Разность решений правоприменителя, который принимает во внимание рекомендации высшего судебного органа, рождает вывод, что на сегодняшний день разъяснения Пленума Верховного Суда РФ недостаточно справляются с задачей конкретизации, четкого определения признаков, характеризующих насилие в посягательствах на собственность.

Таким образом, проблемы теоретического, законодательного и правоприменительного понимания насилия в посягательствах на собственность требуют его тщательного исследования в непосредственной взаимосвязи с проблемой общего уголовно-правового понятия насилия.

Степень теоретической разработанности проблемы. Проблематика насилия и преступлений против собственности всегда привлекала внимание отечественных учёных в области уголовного права. В различные периоды ее исследованию посвятили свои труды С.Н. Абельцев, Ю.М. Антонян, Р.А. Базаров, А.Г. Безверхов, К.В. Безручко, Л.С. Белогриц-Котляревский, А.И. Бойцов, Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, В.В. Векленко, Г.В. Верина, В.А. Владимиров, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, С.А. Елисеев, В.В. Ераксин, А.Э. Жалинский, Н.В. Иванцова, А.В. Иващенко, И.А. Клепицкий, И.Я. Козаченко, В.С. Комиссаров, С.М. Кочои, Г.А. Кригер, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Р.А. Левертова, Н.А. Лопашенко, Ю.И. Ляпунов, А.И. Марцев, А.И. Марченко, М.Г. Миненок, А.В. Наумов, Н.А. Неклюдов, А.А. Пионтковский, В.И. Плохова, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Рарог, Л.В. Сердюк, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, Д.Г. Тальберг, В.И. Ткаченко, А.Н. Трайнин,

И.Я. Фойницкий, В.В. Хилюта, А.И. Чучаев, Р.Д. Шарапов,
М.Д. Шаргородский, П.С. Яни и др.

Изучению подвергалась проблема и общего понятия насилия, и его конкретных видов, либо объектом научного интереса становились преступления против собственности. В.И. Плохова исследовала ненасильственные их проявления.

Проблема насилия конкретно в посягательствах на собственность в той или иной степени ее акцентуации отражена в диссертациях Е.Н. Бархатовой, О.А. Буркиной, П.В. Волошина, Ф.Б. Гребенкина, С.В. Дубченко, Л.В. Набокова, Е.В. Никитина, Г.П. Спесивцевой, В.Н. Шпаковского. Однако в перечисленных трудах недостаточно внимания было уделено очень важной связи – зависимости насилия в группе посягательств на собственность от общего понятия насилия, тогда как насилие во многом определяет законодательное конструирование составов насильственных посягательств на собственность, влияет на квалификацию таких преступлений и наказание за их совершение. Помимо этого, научный интерес был ограничен либо конкретным видом насилия в посягательствах на собственность, либо только одним из видов насильственных посягательств на собственность. Таким образом, в уголовно-правовой науке отсутствует исследование, в котором на единой системной основе анализируются все насильственные посягательства на собственность (их четыре).

Объектом диссертационного исследования являются уголовно-правовые отношения, которые возникают в связи с совершением насильственных посягательств на собственность.

Предмет диссертационного исследования составляют применимые к объекту исследования нормы действующего российского уголовного законодательства, разъяснения высшего судебного органа, материалы судебной практики, результаты проведенного анкетирования.

Целью диссертационной работы является формирование теоретической модели насилия как признака преступлений против

собственности, базирующейся на выявлении уголовно-правовой сущности общего понятия насилия, включающей уяснение значения и роли насилия в преступлениях против собственности и разработку алгоритмов законодательного отображения насилия при конструировании составов указанных преступлений, а также формулирование на основе созданной теоретической модели предложений по совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм и практики их применения.

Поставленная цель определила следующие **задачи диссертационной работы:**

– определить влияние исторического опыта становления и развития уголовно-правового понятия насилия на его современное нормативное закрепление;

– выявить сущностные признаки насилия в уголовном праве и раскрыть содержание данного понятия;

– провести классификацию видов насилия и установить его уголовно-правовое значение;

– раскрыть понятие и признаки насилия в посягательствах на собственность и определить особенности законодательного отражения в них насилия;

– классифицировать общественно опасное насилие в преступлениях против собственности на виды;

– установить проблемы, возникающие при разграничении насильственных посягательств на собственность;

– выявить проблемные аспекты практики применения норм о насильственных посягательствах на собственность;

– представить предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения в части насильственных посягательств на собственность.

Теоретической базой исследования послужили научные труды следующих отечественных ученых:

в области уголовного права – Р.З. Абдулгазиева, С.Н. Абельцева, Ф.М. Абубакирова, М.К. Алиева, Ю.М. Антоняна, Р.У. Ахмедова, Р.А. Базарова, Е.Н. Бархатовой, А.Г. Безверхова, К.В. Безручко, Л.С. Белогриц-Котляревского, А.И. Бойцова, Г.Н. Борзенкова, А.В. Бриллиантова, А.Г. Бурановой, О.А. Буркиной, В.В. Векленко, Г.В. Веринной, В.А. Владимирова, Б.В. Волженкина, П.В. Волошина, В.М. Вьюнова, И.Х. Галимова, Л.Д. Гаухмана, Ф.Б. Гребенкина, М.Б. Гугучии, С.В. Дубченко, Е.А. Елец, С.А. Елисеева, В.В. Ераксина, О.В. Ермаковой, А.Э. Жалинского, Н.В. Иванцовой, А.М. Ивахненко, А.В. Иващенко, И.А. Клепицкого, И.Я. Козаченко, В.С. Комиссарова, С.М. Кочои, Г.А. Кригер, Л.Л. Кругликова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Р.А. Левертовой, Н.А. Лопашенко, Ю.И. Ляпунова, И.Ю. Мальковой, В.В. Мальцева, А.И. Марцева, А.И. Марченко, П.С. Матышевского, Д.М. Миненка, М.Г. Миненка, П.Н. Назарова, А.В. Наумова, Н.А. Неклюдова, Е.В. Никитина, Ю.И. Никитина, Л.Е. Окс, Н.И. Панова, А.А. Пионтковского, В.И. Плоховой, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкина, Ю.В. Радостевой, А.И. Рарога, И.В. Рыжковой, Р.Д. Сабирова, Р.У. Семеновой, Л.В. Сердюка, В.Д. Спасовича, Г.П. Спесивцевой, Н.С. Таганцева, Т.Р. Тагиева, Д.Г. Тальберга, В.И. Ткаченко, Р.Е. Токарчука, А.Н. Трайнина, А.В. Тюменева, А.Г. Уфалова, В.В. Хилюты, И.Я. Фойницкого, Г.Г. Чернобрисова, А.И. Чучаева, Р.Д. Шарاپова, М.Д. Шаргородского, В.Н. Шпаковского, А.В. Шульги, Е.О. Щербаковой, П.С. Яни и др.;

в области истории – Г.Ю. Алексеева, О.Р. Бородина, И.Т. Голякова, И.Н. Данилевского, А.А. Зимина, И.А. Исаева, В.В. Кабанова, М.Г. Коротких, Д.В. Кузнецова, М.Ф. Медушевской, М.Ф. Румянцевой, О.И. Чистякова, С.И. Штамма;

в области философии – А.А. Гусейнова, В.И. Ленина, Ф. Ницше, С.Л. Рубинштейна;

в области психологии, нейрофизиологии, медицины – И.Л. Андреева, В.М. Бехтерева, В.П. Зинченко, В.А. Иванникова, Г.В. Иойлевой, С.Г. Колесова, А.Ф. Корниенко, И.В. Кочуковой, Н.С. Лавриенко, Н.Д. Левитова, А.Г. Маклакова, Б.Г. Мещерякова, Л.Н. Назаровой, А.С. Николаичева, И.С. Протасова, С.Л. Рубинштейна, Н.Б. Светлаковой, С.А. Семенова, М.В. Угрюмова, Н.И. Чуприковой, И.К. Шхвацабаи.

Правовую базу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, действующее гражданское и банковское законодательство России, отечественные уголовно-правовые акты, утратившие силу, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации – в той части, в которой содержащиеся в них нормы и положения связаны с объектом исследования.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания в качестве общего метода. В совокупности с ним применялись общенаучные методы (формально-логический, анализ и синтез, индукция и дедукция, лингвистический, логический, системный и др.), специальные юридические методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой, правового моделирования и др.) и методы эмпирического уровня (обобщение судебной практики, анкетирование).

Эмпирическую базу исследования составляют данные, полученные в результате изучения, анализа и обобщения материалов опубликованной судебной практики по уголовным делам о насильственных посягательствах на собственность, рассмотренным судами общей юрисдикции 75 субъектов РФ в период с 2012 по 2017 гг., а именно:

- 129 материалов опубликованной судебной практики о переквалификации преступлений с вымогательства на насильственный грабеж или разбой (приложение 3);

- 465 материалов опубликованной судебной практики о переквалификации преступлений с разбоя на насильственный грабеж (приложение 4);

Кроме того, по теме диссертационного исследования было проведено анкетирование 157 ученых и 89 практических работников (приложение 2).

Научная новизна диссертации. В результате проведенного исследования была сформирована теоретическая модель насилия как признака преступлений против собственности, базирующаяся на выявлении уголовно-правовой сущности общего понятия насилия, включающая уяснение значения и роли насилия в преступлениях против собственности и разработку алгоритмов законодательного отображения насилия при конструировании составов указанных преступлений, на основе которой были сформулированы и обоснованы предложения по оптимизации в соответствующей части действующего уголовного законодательства РФ и правоприменительной практики. Созданная теоретическая модель привела к трансформации системы насильственных посягательств на собственность, что отражает авторское теоретическое представление об уголовно-правовом феномене насилия.

Научная новизна исследования определяется основными **положениями, выносимыми на защиту:**

I. Общие положения об уголовно-правовом понятии насилия и его видах

1. История развития уголовно-правового понятия насилия показывает, что его аутентичное толкование по сей день заменяют законодательно заложенные признаки, на которых строится вся система насильственных преступлений. Широта объема, содержания и границ признаков насилия в истории отечественного уголовного законодательства выливается в отсутствие единой системы насильственных преступлений. В настоящее время это наследие создает сложности в правоприменительной деятельности, ведя к нарушению принципов законности и справедливости при квалификации преступлений и назначении наказания за их совершение.

2. Уголовно-правовое понятие насилия должно сочетать в себе и признаки преступления, и признаки, отражающие специфику исследуемой

категории, так как законодатель посредством насилия выделяет систему соответствующих преступлений, каждое из которых, в свою очередь, демонстрирует индивидуальное насильственное поведение.

Насилие – это умышленное, общественно опасное, противоправное, принудительное физическое и (или) психическое воздействие на человека (группу лиц), посягающее на охраняемые уголовным законом права человека (группы лиц).

Обязательный признак, характеризующий насилие, – принуждение, подавление воли человека (группы лиц) посредством определенного рода воздействия. Способ воздействия обуславливает вид насилия – физическое или психическое насилие.

3. Основу авторских дефиниций понятий физического и психического насилия составляет следующая формула: «признаки преступления + принудительное воздействие, способное причинить вред таким объектам уголовно-правовой охраны, как: а) жизнь, здоровье, физическая (телесная) неприкосновенность, физическая (личная) свобода (**физическое насилие**); б) психическая безопасность, обеспечивающая целостность и функциональность психических процессов организма человека (**психическое насилие**)».

Физическое насилие – это умышленное, общественно опасное, противоправное принудительное физическое воздействие на неприкосновенность человека, способное причинить ему физическую боль, физические страдания, вред здоровью различной степени тяжести, а также смерть.

Психическое насилие – это умышленное, общественно опасное, противоправное, с целью подчинения воли, принудительное воздействие на психическую неприкосновенность человека, способное причинить вред целостности и функциональности психических процессов его организма.

4. Воздействие на потерпевшего с помощью алкоголя, наркотических средств, медикаментозного гипноза, электронной стимуляции мозга

(различные неинвазивные методы стимуляции мозга – TES, TMS, GMS, ЭСТ) образует не психическое, а физическое насилие: сначала воздействию подвергаются физиологические свойства организма, которые рожают нервные импульсы, а те, в свою очередь, – определенную психическую реакцию. В подобных случаях для уголовно-правовой оценки первичен физический объект.

II. Положения о специфике проявлений насилия в посягательствах на собственность

5. Дифференциация уголовной ответственности за насильственные посягательства на собственность по степени опасности (насильственный грабеж или разбой) ставится практикой в зависимость от преступлений против личности. Среди правоприменителей преобладает позиция, согласно которой разграничивающим насильственный грабеж и разбой (соответственно, неопасное и опасное насилие) признаком служит наличие или отсутствие последствий в виде вреда здоровью. Второй вариант опасного насилия – опасный способ – игнорируется.

6. Используя при описании насильственных посягательств на собственность термин «опасное», законодатель уравнивает вред, который можно предотвратить, и вред, который реализован. Реализованный вред уже не несет в себе опасности. Вред и его опасность существуют отдельно друг от друга, соответственно их законодательное понимание тоже должно различаться.

7. Разбой, являясь усеченным составом преступления, оставляет за пределами оконченного посягательства объект, который определяет его принадлежность к преступлениям против собственности. Повышенная общественная опасность разбоя (по сравнению с насильственным грабежом) в действующей редакции уголовного закона дефинитивно обозначена через признак «опасное насилие», который характеризует дополнительный объект преступления. Способом корректного исправления ситуации видится

конструирование материального состава разбоя, где хищение будет главным признаком сложносоставного деяния.

8. Вина лица применительно к последствиям насилия (вред здоровью) может варьироваться в формах умысла или неосторожности. Природное же свойство насилия – действие, которое характеризуется исключительно умыслом. Признание насилия исключительно способом совершения преступления диктует необходимость дифференциации уголовной ответственности за умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью в посягательствах на собственность, что повлечет необходимость применения правил квалификации по совокупности преступлений.

9. В случаях угрозы насилием неопределенного характера субъективное отношение виновного обнаруживает вину в форме умысла и выступает основой субъективного вменения, ввиду чего основой определения степени опасности угрозы насилием, носящей неопределенный характер, должны служить объективные обстоятельства дела в сочетании с виной лица.

10. Случаи применения насилия при завладении банковской картой с последующим снятием денежных средств образуют приготовление к насильственному грабежу либо оконченный разбой в зависимости от применяемого насилия. Вымогательство можно вменять лишь тогда, когда завладение банковской картой с известным виновному пин-кодом является средством обеспечения других имущественных требований виновного в будущем, а не снятия средств со счета потерпевшего.

11. В насильственных посягательствах на собственность для признания содеянного насильственным грабежом, разбоем, угоном достаточно как угрозы, так и физического насилия, так как законодатель поставил между ними знак равенства. Зависимость же требования вымогателя только от угрозы исключает самостоятельное влияние физического насилия на требование, сохраняя за ним лишь роль дополнительного обстоятельства, учитываемого при назначении наказания. Подобная разность отражения

насилия в посягательствах на собственность продиктована тем, что законодатель подчеркивает типичные для каждого из преступлений признаки и их самобытность, сочетая их с индивидуальными чертами насилия.

12. В целях единообразного понимания и применения норм об ответственности за насильственные посягательства на собственность необходимо отказаться от разделения насилия по степени его опасности, сохранив признак насилия, сопровождающий хищение в разбое, в связи с чем п. «г» ч. 2 ст. 161 и п. «в» ч. 2, ч. 4 ст. 166 УК РФ следует признать утратившими силу.

Пересмотр объема и содержания насилия приводит к трансформации системы насильственных посягательств на собственность, оставляя в их числе только два вида – разбой и вымогательство.

Теоретическая значимость исследования. Настоящее исследование, систематизируя имеющиеся в науке представления о насилии, углубляет, расширяет научное понимание общего понятия насилия и особенностей его проявления в рамках конкретной группы преступлений – насильственных посягательствах на собственность. Полученные результаты могут послужить основой для дальнейших исследований проблем такого уголовно-правового явления, как насилие.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные положения и выводы могут быть использованы для совершенствования норм уголовного законодательства; при подготовке рекомендаций высшего судебного органа относительно понимания и квалификации норм о насильственных преступлениях в целом и насильственных преступлениях против собственности в частности; в процессе применения норм о насильственных посягательствах на собственность.

Степень достоверности результатов исследования во многом определяется содержанием разделов, характеризующих методологическую, правовую, теоретическую и эмпирическую основы работы.

Апробация результатов диссертации. Диссертация выполнена на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, где прошла ее обсуждение и была рекомендована к защите.

Сформулированные выводы, положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в 24 научных трудах общим объемом 6 а.л., восемь из которых размещены в научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Выводы и положения диссертационного исследования сообщались в докладах на международных, всероссийских, региональных научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах: «Актуальные проблемы уголовного права» (Махачкала, 2008 г.), «Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности» (Махачкала, 2009, 2010 гг.), «Актуальные проблемы мировой и региональной экономики и права на современном этапе» (Москва, 2013 г.), «Актуальные проблемы систематизации законодательства, информационного права и информационной безопасности» (Москва, 2014 г.), «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (Москва, 2015 г.), «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 2016 г.), «VII Международная научная конференция студентов, магистров и аспирантов» (Саратов, 2016 г.), «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (Саратов, 2016 г.), «Саратовские уголовно-правовые чтения: Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (Саратов, 2016 г.), «Вторые Саратовские уголовно-правовые чтения «Противодействие преступлениям и преступности: проблемы межотраслевого взаимодействия» (Саратов, 2017 г.), «Права и свободы человека: проблемы обеспечения и защиты на международном и национальном уровне» (Астрахань, 2018), «Третьи Саратовские уголовно-правовые чтения «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (Саратов, 2018 г.), IV Саратовские

уголовно-правовые чтения: Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (Саратов, 2019 г.), «Криминализация последних лет: как толковать уголовный закон» (Саратов, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.).

Результаты исследования применяются в процессе преподавания курса уголовного права в Астраханском государственном университете.

Структура диссертационного исследования обусловлена объектом, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка используемых источников и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, его методологическая основа, нормативная, теоретическая и эмпирическая база, дается вывод о научной новизне исследования, его теоретической и практической значимости, формулируются основные положения, выносимые на защиту, а также приводятся данные о результатах их апробации.

Глава I «Понятие, виды, значение насилия в уголовном праве» состоит из двух параграфов и посвящена анализу понятия насилия в уголовном праве, определению его места и значения для уголовно-правовой науки, а также видов насилия.

В § 1 *«Ретроспективный анализ и современное понятие насилия в уголовном праве»* проводится анализ формирования уголовно-правового понятия насилия на протяжении периода развития уголовного права с XI по XX вв. Излагаются ключевые положения важнейших памятников русского права (от Русской Правды до Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.), а также современные законодательные представления (по Уголовному кодексу РФ 1996 г.), доктринальные тенденции в понимании насилия.

Автором подчеркивается несомненная важность исторического опыта развития законодательства о насильственных преступлениях. Также в области исследования насилия отмечается значение науки уголовного права (Н.А. Неклюдов, Н.С. Таганцев, В.Д. Спасович, Л.Я. Фойницкий, А.А. Пионтковский и др.), которая на разных этапах исторического развития компенсировала отсутствие законодательного толкования насилия.

Исследуются законодательные тенденции закрепления норм, регламентирующих ответственность за применение насилия. Анализируя каждый памятник русского права, диссертант отмечает общее для всех них (в том числе и для Уголовного кодекса РФ 1996 г.) отсутствие аутентичного толкования насилия.

Важнейшие акты Древней Руси и дореволюционного периода концентрируют в себе нормы различных отраслей права, что позволяет судить об отсутствии специальной законодательной техники, терминологии. Помимо отсутствия системы закрепления норм, памятники русского права отличаются казуистичностью, что во многом объясняет многообразие признаков насилия, которые и заменяли понимание насилия.

По мере становления уголовного закона отмечается постепенный отход от казуистичности, вместе с тем наблюдается расширение признаков насилия в составах преступлений (мерилом ответственности выступают последствия насилия; появляются нормы, регламентирующие ответственность за двубъектные преступления; насилие находит разграничение на неопасное и опасное и т.д.). Вместе с тем сохраняется тенденция: активно используя термин «насилие», законодатель его не определяет, систему насильственных преступлений четко не выделяет.

Анализ ретроспективы развития уголовно-правового насилия привел автора к выводу, что посредством применения этого понятия законодатель обозначал наиболее опасные из составов преступлений. Однако, содержание этого понятия, исчерпывающий перечень его признаков не получили

определения ни в законе, ни в отечественной науке (*положение 1, выносимое на защиту*).

Несмотря на неоднозначность уголовно-правовой доктрины различных исторических периодов относительно определения насилия, большинство, однако, подчеркивает главные его признаки, с которыми согласен и соискатель, – принуждение, подавление воли (*положение 2, выносимое на защиту*).

Проведя ревизию взглядов доктрины (*Л.Д. Гаухман, Н.В. Иванцова, Р.Д. Шаранов, Р.Д. Сабиров, Н.А. Лопашенко, С.Н. Абельцев, В.Л. Сердюк, Р.А. Базаров и др.*) на проблему современного понимания и интерпретации насилия, соискатель предлагает к признакам насилия относить: *умышленный характер, общественную опасность, противоправность, физическое или психическое воздействие, принудительный характер*. Названные признаки находят отражение в авторском определении уголовно-правового насилия.

Соискатель обращает внимание, что в ряде случаев насилие рассматривается учеными с угла «насильственного преступления». Кто-то, напротив, игнорирует признаки, характеризующие «преступление». Другие же ограничивают представление о нем только применением физической силы.

Подобное представляется недостаточным. По мнению автора, определение понятия насилия должно строиться с учетом отражения специфики насильственного преступления, включая в себя и признаки преступления, и индивидуализирующие категорию «насилие» признаки. Такое компромиссное сочетание учитывается при формировании авторского видения насилия в уголовном праве (*положение 2, выносимое на защиту*).

Соискатель, определяя индивидуализирующие насилие как уголовно-правовое явление признаки, обращается к этимологии термина, таким образом обосновывая мнение о понимании насилия как преступного действия. Отметив то общее, обязательное (независимо от вектора изучения), что, бесспорно, характеризует насилие (наличие адресата воздействия;

принудительный характер воздействия), делается вывод: признаки, дополняющие обязательные, должны справиться с тем, чтобы придать насилию юридический, уголовно-правовой смысл.

В качестве такой золотой середины видится понятие, где проецируется грамматическое, социальное понимание насилия на толкование юридического термина «насилие». А именно: в основу авторской интерпретации насилия и его видов вкладывается понимание насилия как принудительного действия, посягающего на охраняемые уголовным законом права. Действие в свою очередь необходимо дополнять признаками понятия преступления. Таким образом, объект приложения насильственных действий формирует авторское представление об уголовно-правовом насилии. Подобное сочетание актуально не только для отграничения насильственных преступлений от ненасильственных, но и для отграничения видов насилия друг от друга, выделяемых по принципу конкретизации объектов посягательства.

В § 2 «Виды насилия и его уголовно-правовое значение» насилие подвергается делению на виды.

Автор считает теоретически оправданным придерживаться классической классификации видов насилия, принятой в науке, – физическое и психическое насилие (*Л.Д. Гаухман, Л.В. Сердюк, Н.В. Иванцова, Р.Д. Шаранов и др.*), ввиду чего не видит необходимости в придании самостоятельного значения имущественному (*О.В. Старков, А.В. Тюменев, И.В. Упоров, О.Р. Афанасьева*), интеллектуальному насилию (*С.Н. Золотухин, А.В. Иващенко*). Объяснение видится в объекте приложения насильственных действий виновного и способе воздействия, которые, по мнению автора, и обуславливают разделение насилия на указанные виды (*положение 2, выносимое на защиту*).

Раскрывая сущность физического и психического насилия, автор берет за основу модель собственной интерпретации общего понятия насилия, направляя при этом вектор внимания на индивидуализирующие и

конкретизирующие каждый из видов насилия признаки - объект и способ реализации насильственных действий.

Формулируя авторское понятие физического и психического (*положение 3, выносимое на защиту*) насилия, соискатель также исходит из характеристики соответствующих насильственных действий (подобно общему понятию насилия), индивидуализирует которые объект приложения этих действий.

Авторские дефиниции понятий физического и психического насилия в общем выражаются в следующей формуле:

признаки преступления + принудительное воздействие, способное причинить вред таким объектам уголовно-правовой охраны, как:

а) жизнь, здоровье, физическая (телесная) неприкосновенность, физическая (личная) свобода (**физическое насилие**);

б) психическая безопасность, обеспечивающая целостность и функциональность психических процессов организма человека (**психическое насилие**).

Обращается внимание именно на *способность* причинить вред указанным объектам посредством насильственного воздействия, так как последствия самого насилия остаются за рамками авторского понимания названного термина.

Рассматривая многообразие форм психического воздействия, автор констатирует спорность принадлежности некоторых способов именно к психическому насилию (например, медикаментозный гипноз, применение алкоголя, наркотических средств, электронной стимуляции головного мозга (различные неинвазивные методы стимуляции мозга – TES, TMS, GMS, ЭСТ) (*положение 4, выносимое на защиту*).

Объяснение видится в том, что перечисленные методы воздействия являются предметами материи. Подвергается первоначально воздействию физиология человека, свойства которой рождают нервные импульсы, а те в свою очередь – определенную психическую реакцию, эмоции, состояние

человека, желаемые для виновного. В подобных случаях представляется, что для уголовно-правовой оценки первичен физический объект, соответственно, такие насильственные действия характеризуют не психическое, а физическое насилие.

В завершении параграфа соискатель заключает многогранность законодательного отражения насилия и его видов, а также значение этого явления в конструировании насильственных преступлений, подчеркивая важность единства толкования и единообразия применения исследуемого понятия с целью упорядочения практики квалификации насильственных преступлений и назначения наказания за них.

Глава II «Исследования понятия и видов насилия в преступлениях против собственности (законодательная регламентация и уголовно-правовая доктрина)» включает два параграфа.

В § 1 *«Понятие и признаки насилия в посягательствах на собственность»* приводится детальный законодательный и теоретический анализ регламентации насилия в каждом из посягательств на собственность.

Насилие в этих преступлениях выступает в качестве способа деяния в физическом или психическом (угроза) его проявлении. Разница заключается в степени интенсивности применяемого насилия или угрозы его применения, которая указана в диспозиции этих составов, кроме вымогательства, где степень опасности насилия не конкретизируется.

Оценив особенности законодательного отражения насилия в посягательствах на собственность, автор пришел к мнению, что законодательная конструкция состава вымогательства демонстрирует разность описания в нем признаков насилия по сравнению с насильственным грабежом, разбоем и угоном, а именно, то, что законодатель не придает равного значения угрозе насилием и непосредственно применению самого насилия.

Законодательная формула состава вымогательства делает зависимым требование от угрозы применением насилия. Поэтому случаи требования,

освобожденные от угрозы, но сопровождаемые физическим насилием, не могут образовывать вымогательство (*положение 11, выносимое на защиту*).

Таким образом, констатируется, что отсутствие знака равенства между насилием и угрозой его применения служит основанием для иной, чем вымогательство, уголовно-правовой оценки насильственных действий виновного и в практике порождает случаи, когда суды меняют квалификацию с вымогательства на иной состав насильственного посягательства на собственность.

Подобной исключительностью состава вымогательства по сравнению с остальными насильственными посягательствами на собственность, по мнению автора, законодатель подчеркивает самобытность, особенность этого преступления, не претендуя на изменение редакции ст. 163 УК РФ.

В § 2 «Виды общественно опасного насилия в посягательствах на собственность» подвергаются детальному анализу насильственные посягательства на собственность по признаку неопасного (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК, п. «в» ч. 2 ст. 166 УК) и опасного насилия (ч. 1 ст. 162 УК, ч. 4 ст. 166 УК).

Отсутствие аутентичного толкования названных признаков насилия компенсирует п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Отмечается неполное соблюдение правоприменителем рекомендаций высшего судебного органа относительно определения степени опасности насилия, причиной чему видится несовершенство самих рекомендаций, а также сам факт разграничения насилия по степени его опасности.

Последствия для здоровья потерпевшего, которые представляют собой самостоятельные преступления против личности, по сути, являются частью преступлений против собственности, где жизнь, здоровье не находят должной повышенной охраны как более ценные объекты. Кроме того, последствия для здоровья, наличием или отсутствием которых рекомендует оперировать Пленум для определения степени опасности примененного

насилия, ставят в зависимость от себя определение насильственного посягательства на собственность – насильственный грабеж или разбой (*положение 5, выносимое на защиту*).

Кроме того, этимология слова «опасный, опасность» не соответствует уголовно-правовому пониманию опасного насилия. Необходимо разделять потенциальную возможность наступления последствий и сами последствия (*положение 6, выносимое на защиту*).

Помимо этого, разность объема опасного насилия, о чем свидетельствуют конструкции составов разбоя и угона, называя в первом причинение тяжкого вреда здоровью отдельно в качестве квалифицирующего признака, тогда как об опасном насилии упоминается в ч. 1 ст. 162 УК.

Отмечается, что соображения удобства квалификации, которыми руководствовался законодатель и правоприменитель, не свидетельствуют об эффективности включения последствий в понимание насилия.

Авторская позиция строится на исключении последствий применяемого насилия из самого содержания насилия, соответствующих квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков (причинение тяжкого вреда здоровью в результате разбоя и вымогательства). Кроме того, преступные последствия могут не наступить, ввиду чего преступное насилие заслуживает оценки уже по факту совершения насильственных действий.

Необходимость предложенной рекомендации оправдана и тем, что последствия насилия, становясь частью целого, влекут проблему конкуренции норм, тогда как правилами совокупности успешно позволяет пользоваться ст. 17 УК (*положение 8, выносимое на защиту*).

Глава III «Проблемы квалификации, наказания, разграничения насильственных посягательств на собственность (на основе практики применения уголовно-правовых норм)» содержит два параграфа.

В § 1 «Проблемы квалификации и наказания насильственных посягательств на собственность» оценивается ряд проблем квалификации и

наказания, возникающих в правоприменительной практике относительно анализируемых составов преступлений.

Автором подчеркивается важность поисков путей их решения с точки зрения принципа справедливости.

Поэтапно анализируя практику реализации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за насильственные посягательства на собственность, соискатель приходит к мнению, что многие проблемы квалификации возникают из законодательной конструкции самих составов. К ним соискатель, прежде всего, относит: момент окончания преступления, объем предусмотренного внутри состава насилия, особенность закрепленной в диспозиции ч. 1 ст. 162 УК последовательности *«нападение, сопряженное с насилием ...»*.

В ходе представляется необходимым «превращение» разбоя в материальный состав из соображений соблюдения принципа справедливости, так как нынешняя редакция основного состава разбоя дает возможность судам назначать идентичное наказание за разбой с изъятием чужого имущества и без такового. Таким образом, происходит совпадение границ наказания, что соискатель считает невозможным, объясняя подобное ослаблением влияния уголовно-правовой охраны там, где законодатель стремился ее усилить, сделав состав разбоя усеченным.

В этом же параграфе констатируется отсутствие единства в оценке правоприменителем насилия по степени его опасности. В основу своего решения в подавляющем большинстве случаев суды кладут наличие или отсутствие последствий для здоровья в результате примененного насилия.

Автор заключает, что законодатель усиленно подчеркивает двуобъектность насильственных посягательств на собственность, справедливо задаваясь вопросом, в той ли главе они находятся? И здесь же соискатель объясняет подобное сомнение опять-таки разбросом признаков насилия в посягательствах на собственность в общем и законодательной

конструкцией состава разбоя частности, что требует «превращения» состава разбоя в материальный состав (*положение 7, выносимое на защиту*).

Представляется, что авторская редакция разбоя является компромиссом по обозначенным выше проблемным аспектам, которые так или иначе связаны с регламентацией насилия.

В § 2 «Проблемы разграничения насильственных посягательств на собственность по характеру и степени применяемого насилия» исследование посвящено проблеме разграничения, которое сводится к сравнению:

- насильственного грабежа и разбоя;
- насильственного грабежа, разбоя и вымогательства.

Разграничивающим насильственный грабеж и разбой признаком служит степень опасности применяемого насилия. Приводится правоприменительная практика, подтверждающая, что суды ссылаются при выборе соответствующего посягательства на наличие или отсутствие последствий для здоровья, чему отдается явное предпочтение, в отличие от «опасного способа» (*положение 5, выносимое на защиту*), который также разграничивает названные преступления, хотя именно он более полно отвечает авторскому представлению об уголовно-правовом насилии.

Автор приходит к общему выводу, что следует отказаться от разграничения насилия по степени опасности, что снимет пласт проблем, вызванных именно этим признаком. Лучшим подтверждением является практика переквалификации с разбоя на насильственный грабеж. Высокий процент измененных решений демонстрирует неэффективность подобного деления.

Кроме того, признак насилия по степени его опасности влечет порой необходимость в установлении степени опасности угрозы насилием неопределенного характера и, соответственно, оценку содеянного либо как насильственного грабежа, либо разбоя. При этом уголовный закон не дает инструмента идентификации степени опасности угрозы, оставляя свою

«незавершенную работу» высшему судебному органу, который рекомендует судам в обозначенных случаях исходить из ряда объективных обстоятельств конкретного дела и субъективного восприятия высказанной угрозы потерпевшим. По мнению автора, Верховный Суд РФ игнорирует более субъективный характер психического насилия, то есть субъективность восприятия угрозы самим потерпевшим. Судебная практика дает случаи, когда при похожих обстоятельствах дела высказанная виновным угроза насилием рождает разное восприятие у потерпевших, что закономерно рождает вывод о влиянии этого факта на уголовно-правовую оценку, а именно, на разграничение угрозы применением неопасного и опасного насилия (*положение 9, выносимое на защиту*).

Соискатель полагает очень спорным расширение влияния потерпевшего на оценку действий виновного судом, как следствие, недопустимым снижение таким образом господства публичного интереса в уголовном праве. Отправной точкой и единственным средством определения степени опасности угрозы насилием должны служить объективные обстоятельства дела в совокупности с субъективным отношением виновного.

Анализируя проблему отграничения насильственного грабежа, разбоя от вымогательства, соискатель находит, что признак, их отграничивающий, – направленность вымогательства в будущее – не столь однозначен.

Особая спорность этого критерия демонстрируется на примерах материалов опубликованной судебной практики, где насилие применяется при завладении банковской картой с последующим снятием с нее денежных средств.

Соискатель по итогу анализа соответствующих уголовных дел приходит к заключению, что указанные действия в зависимости от степени опасности применяемого насилия образуют либо насильственный грабеж, либо разбой.

Банковская карта обладает свойствами, требующими технического сопровождения для снятия с нее денежных средств, что автоматически

переносит получение денежных средств в будущее. И эта «будущность» становится основанием для правоприменителя квалифицировать действия как вымогательство.

Автор отмечает, что подобные свойства банковской карты не должны служить отправной точкой при квалификации содеянного и разграничении схожих составов преступлений.

Правовая природа вымогательства предполагает, что виновный предоставляет потерпевшему время для выполнения своих требований. Однако, временной промежуток, который возникает между изъятием карты и снятием с нее денег, заполнен действиями виновного. В классическом же понимании вымогательства виновный ожидает в этот промежуток времени выполнения своих требований от виновного, а в этих случаях такого ожидания нет. Соответственно, нет и признака, на который ссылаются суды, - будущего характера вымогательства, который характеризует ожидание виновным выполнения своих требований от потерпевшего.

Отмечается, что признание судами в таких случаях вымогательства ошибочно. А конкретно ошибочно, что при квалификации содеянного во главу угла ставится «будущий» характер снятия денежных средств с банковской карты.

Таким образом, констатируется, что «будущий» характер действий не всегда безоговорочно свидетельствует именно о вымогательстве (*положение 10, выносимое на защиту*).

Далее соискатель приводит таблицу, где отображает различие в собственной интерпретации насилия в посягательствах на собственность с уже имеющимися в доктрине. Полученную разную картину соискатель связывает с различием теоретического понимания уголовно-правового насилия.

Несмотря на то, что цель диссертационного исследования предполагает предложение авторского видения насилия, прежде всего, в посягательствах на собственность, соискатель в равной степени оценивает насилие в общем

уголовно-правовом смысле, его конкретные проявления в посягательствах на собственность в непосредственной связи с другими образующими эти составы признаками. В названной группе преступлений насилие выступает связующим звеном, отражая типичный механизм каждого из них.

В итоге автор констатирует общий вывод, который в той или иной части сквозит и в других разделах исследования. Нормативным предписаниям в группе насильственных посягательств на собственность свойственна довольно большая конкретизация признаков насилия, интерпретация которого очень многообразна, что нарушает единообразие понимания. Выход соискателю представляется в унифицировании законодателем понятия и содержания насилия, в отказе от конкретизации последствий насилия, сохранив признак насилия, сопровождающий хищение в разбое, в связи с чем п. «г» ч. 2 ст. 161 и п. «в» ч. 2, ч. 4 ст. 166 УК РФ теряют силу.

Пестрое описание последствий превращает насильственное посягательство на собственность в преступление против личности, поскольку еще более подчеркивается его полиобъектность с уклоном в сторону объекта в виде жизни или здоровья, тогда как логично, что в преступлении против собственности главный акцент должен сохраняться за признаками, которые служат основой уголовно-правового регулирования отношений в сфере собственности.

Несмотря на то, что признак насилия придает исключительность преступлениям против собственности, стоит помнить, что отношения собственности первичны для насильственных посягательств на собственность, являясь фундаментом законодательной регламентации конкретного состава. Взаимодействуя с признаком насилия, они в конечном итоге должны играть определяющую роль. В настоящее же время закон свидетельствует об определяющем значении насилия: оно влияет на законодательное описание составов, на момент окончания преступления, дифференцирует их и т.д.

Насилие в посягательствах на собственность, выделяя их из числа остальных преступлений против собственности, должно подчеркивать типичные для насильственных посягательств на собственность признаки и их самобытность, где признаки преступлений против собственности сочетаются с индивидуальными проявлениями насильственного поведения. Как итог, авторское представление о реконструкции уголовно-правового насилия оставляет только два из этих видов преступлений – разбой и вымогательство (*положение 12, выносимое на защиту*).

Автор отмечает, что подтверждением его теоретических представлений он считает исследованную практику реализации соответствующих норм, пласт проблем в которой и объясняется описанными теоретическими выводами.

В заключении подводятся итоги проделанной работы, формулируются основные выводы и предложения, отображаются перспективы дальнейшей разработки исследуемой проблемы.

В приложениях приводятся критерии разграничения составов насильственных посягательств на собственность по признаку насилия, результаты проведенного анкетирования, а также выходные данные материалов опубликованной судебной практики, использованных автором при анализе ситуации с переквалификацией насильственных посягательств на собственность.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных автором работах:

– *статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций:*

1) Челябинова, З. М. Хищение в российском уголовном законодательстве [Текст] / З. М. Челябинова // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 4 (52). – С. 120-123 (0,23 а.л.).

2) Челябинова, З. М. Уголовно-правовая характеристика ответственности за грабеж и разбой в советском периоде [Текст] / З. М. Челябинова // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 3 (51). – С. 217-224 (0,4 а.л.).

3) Челябинова, З. М. Уголовно-правовая характеристика насилия в грабеже и разбое [Текст] / З. М. Челябинова // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 4 (52). – С. 138-143 (0,34 а.л.).

4) Челябинова, З. М. Проблемы квалификации вымогательства, совершенного с применением насилия: практика правоприменения [Текст] / З. М. Челябинова // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 1. – С. 23-26 (0,23 а.л.).

5) Челябинова, З. М. Мониторинг практики применения норм о грабеже, совершенном посредством рывка [Текст] / З. М. Челябинова // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3. – С. 19-22 (0,23 а.л.).

6) Челябинова, З. М. Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации [Текст] / З. М. Челябинова // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 2. – С. 63-66 (0,23 а.л.).

7) Челябинова, З. М. Вопросы отграничения вымогательства от насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации [Текст] / З. М. Челябинова // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 4. – С. 34-36 (0,2 а.л.).

8) Челябинова, З. М. Особенности завладения чужого имущества с применением угрозы насилием, носившей неопределенный характер: проблемы квалификации [Текст] / З. М. Челябинова // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2. – С. 62-65 (0,23 а.л.).

– статьи в сборниках материалов конференций:

9) Челябинова, З. М. Наиболее распространенные формы хищений в практике российского уголовного права [Текст] / З. М. Челябинова // Актуальные проблемы уголовного права : науч. тр. всерос. науч.-практ. конф.

– Махачкала : Издат.-полиграф. цент Института (филиала) «МГОУ», 2008. – С. 237-241 (0,3 а.л.).

10) Челябова, З. М. Вопросы переквалификации судами составов кражи, грабежа и разбоя [Текст] / З. М. Челябова // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности : матер. третьей междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. – Махачкала : Издат.-полиграф. цент Института (филиала) «МГОУ», 2009. – С. 254-257 (0,23 а.л.).

11) Челябова, З. М. Особенности правовой регламентации разбоя как формы хищения [Текст] / З. М. Челябова // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности : матер. третьей междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. – Махачкала : Издат.-полиграф. цент Института (филиала) «МГОУ», 2009. – С. 284-285 (0,12 а.л.).

12) Челябова, З. М. Историческая характеристика правовой регламентации грабежей и разбоев досоветского периода [Текст] / З. М. Челябова // Теоретико-правовые проблемы укрепления российской государственности : науч. тр. IV междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала : «РиасофтЛТД», 2010. – С. 264-267 (0,23 а.л.).

13) Челябова, З. М. Особенности регламентации рывка как способа совершения грабежа [Текст] / З. М. Челябова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28-29 января 2016 г.). – М. : Проспект, 2016. – С. 325-329 (0,3 а.л.).

14) Челябова, З. М. Уголовно-правовое понятие насилия [Текст] / З. М. Челябова // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : сб. матер. третьей всерос. науч.-практ. конф. (26 ноября 2015 г.) / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. – М. : Изд-во «РГУП», 2016. – С. 278-283 (0,3 а.л.).

15) Челябова, З. М. Общая характеристика нападения в разбое [Текст] / З. М. Челябова // Сборник тезисов докладов по материалам VII Международной научной конференции студентов, магистров и аспирантов

(26 февраля 2016 г.). – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. – С. 184-185 (0,3 а.л.).

16) Челябова, З. М. Уголовно-правовое понятие насилия, опасного для жизни или здоровья, в составе разбоя [Текст] / З. М. Челябова // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности : сб. ст. по матер. первой всерос. науч.-практ. конф. (31 марта – 1 апреля 2016 г.) / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. – С. 247-253 (0,3 а.л.).

17) Челябова, З. М. Субъективная оценка потерпевшим опасного по способу насилия как критерий разграничения насильственного грабежа и разбоя [Текст] / З. М. Челябова // Противодействие преступлениям и преступности: проблемы межотраслевого взаимодействия : сб. матер. науч.-практ. конф. (в рамках вторых Саратовских уголовно-правовых чтений, 29-30 июня 2017 г.). – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. – С. 431-433 (0,17 а.л.).

18) Челябова, З. М. Значение опасного способа насилия для разграничения насильственного грабежа и разбоя [Текст] / З. М. Челябова // «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (Третьи Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. матер. науч.-практ. конф. (29-30 марта 2018 г.). – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. – С. 411-414 (0,23 а.л.).

19) Челябова, З. М. Психическое насилие в уголовном праве [Текст] / З. М. Челябова // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по матер. IV всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; [ред. А.В. Голикова]. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – С. 387-389 (0,17 а.л.).

– статьи в иных научных изданиях:

20) Челябова, З. М. Преступления против собственности [Текст] / З. М. Челябова // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 6 (Ч. 1) – С. 230-231 (0,12 а.л.).

21) Челябова, З. М. Уголовно-правовой анализ грабежа [Текст] / З. М. Челябова // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 6 (Ч. 2) – С. 207-209 (0,17 а.л.).

22) Челябова, З. М. О детерминантах проявления насилия [Текст] / З. М. Челябова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2016. – № 4. – С. 29-33 (0,3 а.л.).

23) Челябова, З. М. О необходимости отказа от «угона» в рамках Особенной части УК РФ [Текст] / З. М. Челябова // Право и глобальный социум. – 2017. – № 6. – С. 41-47 (0,4 а.л.).

24) Челябова, З. М. Особенности развития дореволюционного уголовно-правового законодательства о насильственных преступлениях [Текст] / З. М. Челябова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2018. – № 2. – С. 103-109 (0,4 а.л.).